

Пелам Гренвилл Вудхаус

P. G. Wodehouse



Билл Завоеватель

Неприметный холостяк

Большие деньги



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
888

Серия «Библиотека классики»

P. G. Wodehouse
ILL THE CONQUEROR
THE SMALL BACHELOR
BIG MONEY

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой
(«Билл Завоеватель»), И. Митрофановой
(«Неприметный холостяк»), Н. Цыркун («Большие деньги»)

Серийное оформление и дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения
The Trustees of the Wodehouse Estate
и литературного агентства Rogers, Coleridge and White Ltd.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.
Б88 Билл Завоеватель; Неприметный холостяк; Большие деньги : [сборник ; перевод с английского] / Пелам Гренвилл Вудхаус. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 736 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-180326-1

Беспречный повеса, почтенный холостяк и лорд — что объединяет историю этих влюбленных молодых людей? Конечно же, фирменный искрометный юмор Пелама Гренвилла Вудхауса! Такое количество сюжетных поворотов удивит даже давних поклонников его творчества.

Получится ли у Билла Веста добиться руки Алисы Кокер и перевоспитать ее брата — любителя выпивки? Сможет ли холостяк Джордж Финч вырваться из паутины романтических отношений, недоразумений и комедийных неудач? Как двое друзей, лорд Бискертон и Берри Конвей, решат свои финансовые проблемы и кого же выберет племянница миллионера Т. Патерсона Фрисби, юная Энн Мун?

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1924, 1927, 1930
© Перевод. Е. Доброхотова-Майкова, 2025
© Перевод. И. Митрофанова, наследники, 2023
© Перевод. Н. Цыркун, 2025

ISBN 978-5-17-180326-1 © Издание на русском языке AST Publishers, 2025



Билл Завоеватель



Посвящается отцу и матери

Глава I

СТОРОНЫ ДОГОВАРИВАЮТСЯ О БРАКЕ

1

С громким сопением, бессильным выразить всю меру его праведного гнева, сэр Джордж Пайк отложил последний номер «Светских сплетен» и снял телефонную трубку.

— Редакцию «Сплетен», — бросил он.

В трубке наступило короткое молчание.

— Родерик?

— Он еще не вернулся с перерыва, сэр Джордж, — подобострастно сообщила трубка.

— А, это вы, Пилбем? — Лицо сэра Джорджа смягчилось: Пилбем — достойный юноша, будущая надежда фирмы. — Когда Родерик вернется, передайте, пожалуйста, что я хотел его видеть.

— Непременно, сэр Джордж.

Основатель и владелец издательской корпорации «Мамонт», крупнейшего концерна, снабжающего чтивом наиболее тупую половину Англии, повесил трубку. Какое-то время он хмурился, потом схватил карандаш и принялся писать. Весь облик его преобразился, словно по волшебству. Чело разгладилось, исчез яростный блеск в глазах, что-то отдаленно напоминающее улыбку тронуло сурово сдвинутые губы. Сэр Джордж склонился над блокнотом, ничего не видя и не слыша.

Особая прелесть такого рода книг, помимо легкости, увлекательности и познавательности, — в их способности наделять читателя свойствами бесплотного духа. Он проникает повсюду, видит все. Например, кому другому, пожелай он лицезреть сэра Джорджа Пайка, пришлось бы идти по Флит-стрит, сворачивать вправо на Тилбери-стрит и тащиться до Тилбери-хауса, общаться с мрачным служителем, вручать заполненный бланк с указанием имени и надобности мальчику в блестящих пуговицах; а в итоге, проходя от десяти до сорока минут, он, скорее всего, удостоится лишь краткой аудиенции у одного из секретарей сэра Джорджа, ибо основатель «Мамонта» кого попало не принимает. Его время бесценно, его самомнение безгранично, его особу оберегают толпы ретивых помощников, чья главная обязанность — внушать случайному посетителю уважение к девизу великого человека: «Пшел прочь! Тебе, ТЕБЕ говорят!» Войско со знаменами не одолеет запретной черты, и даже кабинету министров не сокрушить этих врат.

Читатель же, незримый и неслышимый, может без стука войти в кабинет на четвертом этаже. Он все еще застанет сэра Джорджа за блокнотом.

Зрелище это, безусловно, повергнет в трепет даже самый пресыщенный ум. Ибо кто скажет, что пишет сейчас властитель душ? Остроумное рассуждение для «Панковского еженедельника» — «Целоваться ли жениху и невесте?», или передовую для «Ежедневного отчета», или даже сказочку для «Милых крошек»? Однако высказавший эти догадки попадет пальцем в небо. На самом деле сэр Джордж заносит в большой блокнот список имен.

Он уже написал:

Илфракомб
Форшор
Вейнскот
Барраклу
Венслидейл
Криби

Вудшотт
Марлингью

и теперь, на наших глазах, добавляет: Майклхевер.

Эта последняя фамилия особенно ему нравится, потому что он ставит рядом два крестика. Тут вдохновение покидает сэра Джорджа, он отодвигает стул, встает и начинает ходить по комнате.

Сейчас про всякого, кто добился успеха, коренаст и страдает избыtkом веса, принято говорить, что у него внешность Наполеона. Однако, хоть сравнение и намозолило всем глаза, нельзя не признать, что в облике сэра Джорджа, когда тот мерил шагами свой кабинет, и впрямь было что-то наполеоновское. Обтягивающий солидные телеса жилет и привычка в минуту задумчивости запускать пальцы правой руки между первой и второй пуговицами намекали хотя бы на внешнее сходство с великим корсиканцем, которое еще усиливалось мрачным выражением пухлого решительного лица. Всякий сказал бы: вот человек, который любит настоять на своем, и в последние двадцать лет жизни ему это, как правило, удается.

Телефонный аппарат на столе негромко пискнул, словно страшась повышать голос в присутствии великого человека.

— Сэр Джордж, к вам миссис Хэммонд.

— Просите ее сюда, просите сюда. Господи, Фрэнси! — воскликнул владелец издательской компании «Мамонт», когда дверь открылась. — С утра тебе звоню, никак не могу застать.

— Как хорошо, что я решила заглянуть, — сказала миссис Хэммонд, усаживаясь. — Что случилось?

Фрэнсис Хэммонд, урожденная Пайк, выглядела женской копией своего преуспевающего брата. У нее не было второго подбородка, но яркие глаза так же властно смотрели из-под нависших бровей, а широкий лоб отливал таким же румянцем. Глядя на нее, сэр Джордж вновь ощутил тот

трепет восхищения, который всегда охватывал его при виде сестры.

— Зачем ты хотел меня видеть? — спросила миссис Хэммонд.

Сэр Джордж набрал в грудь воздуха.

Он подготовил грандиозную новость, и драматическое чутье подсказывало: выпалив ее просто так, загубишь весь эффект. Однако ликование взяло верх над чувством драматического.

— Фрэнси, сестренка! — вскричал он. — Вообрази! Меня делают пэром!

Фрэнсис Хэммонд не так легко изумить, но эти слова совершили чудо. Целых десять секунд она сидела, разинув рот и вытаращив глаза, а сэр Джордж, краснея и только что не хихикая, смущенно одергивал алый вязаный жилет — знаменитый пайковский жилет, одну из достопримечательностей Лондона.

— Пэром!

— Письмо на столе. Пришло сегодня утром.

— Джорджи!

Миссис Хэммонд вскочила и с чувством расцеловала брата. В ее начальственных глазах блестели слезы.

— Я знал, ты обрадуешься.

— Я горжусь тобой, Джордж, дорогой! Достойный венец твоей блистательной карьеры!

— А кто помог мне сделать карьеру? А?

— Я старалась по мере сил, — скромно отвечала миссис Хэммонд, — но, конечно, только ты сам...

Сэр Джордж хлопнул по столу, угодил ребром ладони в край железной мусорной корзинки и тут же раскаялся в своей горячности. Прежде чем снова заговорить, он пососал руку.

— Ты стояла у истоков дела, — произнес он с жаром, когда боль немного унялась. — Без тебя я бы ничего не добился. Кто предложил конкурс «Угадай, сколько булавок в шляпе у премьер-министра?», когда «Еженедельник Пайка» дышал на ладан? С того дня «Еженедельник» неуклонно

шел в гору. А ведь на нем я и сделал свое состояние. По сути дела, мы с самого начала работали в паре. Я был двигателем, ты — мозгом. Не знаю, чье суждение я поставил бы выше твоего, Фрэнси.

Миссис Хэммонд расцвела.

— Ах, Джорджи, я только рада, что мне удалось стать твоей Эгериеей.

— Кем-кем? — опешил сэр Джордж.

— Эгериеей звали нимфу, которая вдохновляла римского царя Нуму Помпилия. Во всяком случае, так говорит Синклер.

Она имела в виду мистера Синклера Хэммонда, видного археолога и своего мужа в придачу.

— Вот бы кто далеко пошел, — сказал сэр Джордж, — будь у него хоть немного хватки. Золотая голова.

Миссис Хэммонд не пожелала обсуждать мужа. Она привыкла к его мечтательной инертности, к невозможности подвигнуть Синклера на что-нибудь великое. Раньше это выводило ее из себя, теперь она смирилась и терпеливо несла крест женщины, которой не суждено выйти за хваткого малого. Ее первый муж, горькое напоминание о былой бедности, был мистер Герберт Шейл, учтивый и расторопный продавец нижнего белья из магазина Хэрродз, и никакие титанические усилия не смогли поднять его выше уровня администратора. При всех своих недостатках Синклер все же лучше Герberта.

— Какой титул ты думаешь взять, Джорджи? — спросила она, чтобы переменить тему.

Сэр Джордж, чей деятельный ум не отыхал даже в минуты родственной беседы, говорил в диктофон.

— «Еженедельник Пайка», редактору, — диктовал он. — В следующий номер даете статью «Великие женщины, которые вдохновляли великих мужей». Ну, эти — Эгерия и все такое. — Он виновато обернулся к сестре: — Прости?

— Я спросила, придумал ты, как будешь называться?

— Так, набросал кое-что. — Он взял блокнот. — Как тебе кажется лорд Барраклу? Или Венслидейл? Или Марлин-

гью? Я лично склоняюсь к Майклхеверу. В этом имени есть ритм.

Миссис Хэммонд покачала головой.

— Слишком цветисто. Все слишком цветисто.

— Ну, согласись, титул должен звучать. Вспомни, что взяли себе эти, последние: Бивербрук — Стратеден — Левергулм. Сила!

— Знаю, но...

— И потом, учти, — не унимался сэр Джордж, — как трудно придумать что-нибудь новенькое. Те, кого произвели раньше, разобрали самое лучшее.

— Знаю. Но из того, что ты назвал, мне не понравилось ни одно. Не то чтоб он были дурны, человеку яркому не зазорно носить и такой. И все-таки они немножечко... ну, слишком вычурны. Не забывай, что титул, на котором ты сейчас остановишься, со временем перейдет Родерику. Мы не должны выбирать ничего, что в приложении к Родерику будет звучать комично. Довольно его имени. Родерик! — Миссис Хэммонд поморщилась. — Как я умоляла бедняжку Люси окрестить его Томасом!

Безоблачное чело сэра Джорджа вновь прорезала глубокая морщина — так счастливец внезапно обнаруживает, что в чашу его радости недружеская рука подбросила дохлую мышь.

— Я совсем забыл про Родерика, — мрачно сказал он.

2

Воцарилось молчание. Будущий лорд Майклхевер (а может быть, Венслидейл или Марлингью) раздраженно барабанил пальцами по столу.

— Как меня угораздило родить такую тряпку? — горько спросил он, как вопрошали до него много крепких отцов, и много будет вопрошать после. — Ума не приложу!

— Он пошел в бедняжку Люси, — сказала миссис Хэммонд. — Она была как раз такое робкое, слабое создание.

Сэр Джордж кивнул. Упоминание о давно покойной жене не пробудило в его душе сентиментального отклика. Дни, когда он был просто Джорджем Пайком, безвестным клерком в адвокатской конторе, и замирал от нежного голоса Люси Мейнард, принимавшей заказы на скучные ленчи в Холборн Виадук Кэбин, давным-давно изгладились из его памяти. Эта никчемная женщина прочно стала бедняжкой Люси, одной из детских хворей великого человека, вроде ветрянки.

— Кстати, — сказал сэр Джордж, снова беря трубку, — я собирался звонить Родерику. Я сделаю это сейчас же, — добавил он, бессознательно цитируя девиз, который, по его указанию, красовался, вставленный в деревянную рамку, на каждом столе в издательстве. — Я звонил в «Сплетни» перед самым твоим приходом, но он еще обедал.

— Погоди минуточку, Джорджи. Я кое-что хотела тебе сказать, пока ты не послал за Родериком.

Сэр Джордж покорно положил трубку.

— Чем он провинился?

Сэр Джордж фыркнул.

— Сейчас узнаешь! — произнес он дрожащим голосом обманутого в своих надеждах отца. — Пока он был в Оксфорде, я ни в чем ему не отказывал — и вот итог! Я хотел, чтоб он не стеснялся в средствах, и что он выкинул? Издал свою книжку о прозе Уолтера Пейтера*. За свой счет, в алом сафьяне! И вдобавок имел наглость просить, чтобы «Мамонт» купил «Ежеквартальное поэтическое обозрение» — мерзкий журналишко, который не продается и в десяти экземплярах за год, — а его, Родерику, сделали редактором!

— Все это я знаю, — не совсем терпеливо перебила миссис Хэммонд, думая о том, что у Джорджи есть только один недостаток, вот эта его привычка повторяться. — А ты назначил его редактором «Светских сплетен». Как он справляется?

* Уолтер Горацио Пейтер (1839–1894) — английский искусствовед, критик, историк, идеолог искусства для искусства.

— Я к этому и подвожу. Я сделал его редактором «Сплетен», чтобы постепенно приучить к делу. Мне и в голову не приходило, что он наломает дров. Сама посуди! Работа — не бей лежачего. В действительности газетой заправляет молодой Пилбем, очень и очень толковый малый. Все, чего я хотел от Родерика, все, чего от него ждал, — проявить хоть немного хватки и почувствовать себя более или менее на ногах, пока не пришло время взяться за что-то серьезное. И что же? Вот, — сказал убитый отец, — только взгляни на последний выпуск.

Миссис Хэммонд взяла газету. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием бумаги да сопением сэра Джорджа.

— Вяло, — объявила наконец Эгерия.

— Рыхло, — сказал Нума Помпилий.

— Бесхребетно.

— Беспомощно.

— Недостает остроты.

— Недостает перчику. Я спросил, в чем дело, — с горячностью продолжил Нума, бросая в угол ненавистную газету. — И можешь вообразить? Молодой Пилбем сказал, что Родерик сознательно вычистил из номера все лучшие материалы. Так-то он отрабатывает свое жалованье, так-то способствует процветанию родной фирмы!

Миссис Хэммонд озабоченно прищелкнула языком.

— Просто не верится.

— Но это правда.

— Однако он руководствовался какими-то соображениями?

— Соображениями?! Нос еще не дорос! Ха-ха, соображения! Кретин он полный, и все тут. Хоть бы женился! — вскричал истерзанный родитель. — Может, жена приведет его в чувство.

Миссис Хэммонд вздрогнула.

— Удивительно, что ты об этом заговорил. Как раз на эту тему я и хотела побеседовать. Надеюсь, Джорджи, ты понимаешь, что теперь, когда ты становишься лордом, Родерика

необходимо срочно женить. Я хочу сказать, теперь еще важнее, чтоб он не женился на ком попало.

— Пусть только попробует! — произнес сэр Джордж. — Я ему женюсь!

— Ну, помнишь, ты упоминал какую-то стенографистку из «Еженедельника».

— Уволена, — лаконично сообщил сэр Джордж. — Вылетела за дверь через пять минут после того, как я узнал, что там завелись шуры-муры.

— Родерик с ней больше не встречается?

— При его-то трусости?

— Да, конечно, ты прав. Прямой бунт — не в его характере. Не заинтересовался ли он какой-нибудь другой девушкой? Я хочу сказать, девушкой нашего круга?

— Не замечал.

— Джорджи, — миссис Хэммонд подалась вперед, — я вот все думаю, почему бы Родерику не жениться на Фелисии?

3

Сэр Джордж сотрясся с головы до пят и благоговейно вытаращился на сестру. Так бредущие во тьме неведения замирают, озаренные вспышкой чистого гения. Вот Фрэнси во всем своем великолепии! Вот последнее и величайшее в череде ее эпохальных предложений, начиная с конкурса «Сколько булавок...». Такие-то наития и обличают всю лживость расхожей теории, будто женский мозг уступает мужскому.

— Ты можешь это провернуть? — хрипло спросил он.

— Провернуть? — Миссис Хэммонд легонько приподняла брови. — Я тебя не понимаю.

— Ну, я... — пробормотал сэр Джордж, устыдившись своей грубоватой прямолинейности. — Я хочу сказать, Фелисия — редкая красавица, а Родерик... ну, Родерик...

— Родерик вовсе не урод, если отбросить предубеждение против нескольких безвольного типа молодых людей. У него